

“МЫ-ТАМАНЦЫ”

1

Стояли жаркие августовские дни. По радио донесся первый салют победы: столица от имени Родины торжественно отмечала взятие нашими войсками Орла и Белгорода. Все в полку радовались успехам советского оружия, поражениям ненавистного врага.

В это время на Северокавказском фронте вновь наступило затишье. Наши войска временно прекратили натиск на вражеские рубежи. Бомбардировщики — и тяжелые и легкие — не взмывали больше в небо. Но то было затишье перед бурей — части фронта усиленно готовились к прорыву «Голубой линии» в районе Новороссийска, к борьбе за полное освобождение Таманского полуострова.

Девушкам, разумеется, никто прямо не говорил об этом. Но наметанным глазом фронтовиков они по множеству признаков, ни о чем не говорящих стороннему взору, точно определили, что назревает наступление, и ожидали его с горячим нетерпением, как ждут весны.

А пока что жизнь полка размеренно двигалась по так называемому академическому руслу: шли занятия в сети партийного просвещения и политической учебы, чаще созывались технические и теоретические конференции, кипели «схватки» на спортивной площадке.

В один из таких совсем мирных дней все выехали в лесок, неподалеку от Ивановской. Здесь был небольшой стадион, протекала тихая речка — что может быть лучше для спортивных соревнований!

Когда девушки перед соревнованиями скинули форму, сняли сапоги, оставшись в майках, трусиках, они прямо не узнавали друг друга. Все удивлялись, до чего же молоды подруги, все превратились из офицеров-фронтовиков в шустрых, ловких девчат, казалось, не изведавших еще ничего тяжелого в жизни.

— На старт! — весело прокатилось над лужайкой.

По прыжкам в высоту и в длину первое место заняла Вера Маменко, по метанию гранаты первенство разделили Катя Бройко и Маша Щелканова. В каждом виде спорта были установлены полковые рекорды. Обнаружилось, что среди девушек есть и хорошие бегуны, и велосипедисты, и пловцы...

Давно не выпадал им такой беззаботный, светлый день! На целых двенадцать часов были забыты самолеты, бомбы, прожекторы, зенитки, не слышалось и слова о службе, о дежурствах...

— Словно перенеслись назад, в довоенную жизнь! — с восхищением сказала одна из девушек, с размаху бросившись на траву, рядом с подругой.

А подруга ответила, не отводя взора от безмятежно спокойного, ясного неба:

— Вернее — перенеслись вперед... в мир, который завоюем, добудем в бою.

Возвращались домой уже в сумерках, с песнями. И еще долго в станице не умолкали звонкие девичьи голоса.

— Знаешь, Женя, — сказала вдруг Полина Гельман Жене Рудневой, когда они подходили к дому, — я, кажется, начинаю заболевать особой болезнью.

— Какой? — полюбопытствовала Женя.

— Мечтой о скором мире...

С того дня, как погибла Галя Докутович, Полина почувствовала себя осиротевшей — она потеряла лучшего друга, друга с пионерских лет, со школьной скамьи. Женя понимала ее тоску по Гале, знала, как ей тяжело, но все же не могла не бросить на Полину удивленный взгляд.

Полина ответила на ее молчаливый вопрос:

— Меня, Женя, агитировать не надо, мне не надо объяснять, что наше наступление только началось, что немцы еще очень сильны и так далее. Я все это понимаю, но... мечтать-то ведь никому не воспрещено! Вот мне и хочется, пусть в мечтах, подтолкнуть время, ускорить ход событий.

— Да, — задумчиво сказала Женя, — такая мечта живет, вероятно, у всех нас.

Помолдав немного, Полина спросила:

— А осталось ли у тебя что-нибудь от университетской жизни, от нашей тяги к науке, к знаниям?

— Я своей астрономии не забываю. Однако когда мы с Катей Рябовой недавно попытались вспомнить тригонометрию, оказалось, что все позабыли. Пустые, пустые головы! Но дело сейчас не в этом, — добавила Женя после небольшой паузы, — все это вернется, когда окончится война. Ты представляешь себе, Полина, какие необъятные горизонты откроются перед нами после войны, после победы!

Мечта о светлом будущем жила в душе каждой девушки, помогая бороться, побеждать.

В то лето в полку было много проводов и встреч.

Провожали уезжающих в отпуск, а потом их торжественно встречали. Уезжающих (особенно в Москву) загружали письмами к родным и знакомым, разными поручениями. Кому нужны туфли, кому нитки, кому пуговицы, кому материал на юбку или на блузку... Война — войной, а принарядиться иной раз хочется.

Летчицы по очереди вылетали в Армавир. Там тогда находились полевые ремонтные мастерские, в которых самолеты, отработавшие свой летный срок, капитально ремонтировались. Начальником мастерских был Федор Степанович Бабуцкий. Опытный специалист, человек в летах, он с большим уважением относился к женскому полку и старался использовать малейшую возможность, чтобы ускорить ремонт «По-2». Иногда его бойцам приходилось для этого работать по две — три смены подряд. Но зато Бабуцкий требовал, чтобы летчицы, прилетавшие со своими изношенными машинами, не сидели сложа руки, не считали свой приезд в мастерские увеселительной прогулкой, а сами участвовали в работе, помогали ремонтникам. Лодырей он не выносил и старался от них поскорее отделаться.

Ирина Себрова первой побывала в этих мастерских еще в то время, когда линия фронта проходила по Тереку. Ремонт самолета Себровой производил мастер Александр Хоменко при ее личном участии. Между летчицей и мастером завязалась большая дружба, связавшая их впоследствии на всю жизнь.

Через месяц Себрова прилетела в полк почти на новом самолете. Александр Хоменко по своей инициативе восстановил и прекрасно отремонтировал еще один самолет «По-2», покрасив его в голубую краску. Этот самолет, прозванный летчицами «ласточкой», был передан одному из лучших боевых экипажей — Макаровой — Белик.

Летчицы стали частыми гостями в мастерских Бабуцкого. Прилетала туда и Надя Попова. Первым, кого она там встретила, был летчик-истребитель Семен Харламов, тот самый раненый летчик, с которым ее свел случай в санитарной машине на Дону без малого год назад.

Надя сразу узнала его по голосу, по глазам: лицо его тогда было перевязано, а теперь бинты опоясывали руку. И прежде чем они заговорили, Надя подумала с тревогой: «Невезучий он какой! Что ни встреча — обязательно после беды...».

А Харламов уже басил, не скрывая радости:

— Надя, это вы? — И, не дав ответить, добавил с тревогой: — Узнаете меня?

— Здравствуйте, узнаю, — ответила Надя, чуть улыбнувшись.

Как много почему-то хотела она рассказать этому плечистому молодцу! Но — нельзя: ее ждут дела, все кругом напоминает о фронте, о войне.

А Харламов продолжал:

— Да вы младший лейтенант! У вас орден!..

Надя перебила:

— А с вами что — опять в полете подбили? Как здоровье?

Харламов беззаботно махнул рукой.

— Были бы кости целы, а мясо нарастет!.. Вот отправили лечиться.

Тут же он подарил Наде на память свой шелковый шарф, фотографическую карточку, записал номер ее полевой почты, взял с нее слово, что она будет отвечать на каждое письмо быстро, подробно.

Через некоторое время уже в полку, на аэродроме, когда Надя готовилась к боевому вылету, ее позвали к дежурному: «Кто-то спрашивает вас». Это был Харламов. Направляясь из госпиталя в свой полк, он все же навестил Надю.

Говорили они недолго — Надю ждал боевой вылет, Харламова — попутная автомашинка.

На этот раз он был немногословен, угрюм, и Надя даже пошутила, что ему, видно, невесело без ран. «Чем бы его угостить?» — подумала она и, вспомнив о яблоке, которое обычно брала с собой в полет, полезла за ним в кабину.

Харламов сосредоточенно смотрел на ее самолет, легкую машину, казавшуюся крайне ненадежной, хрупкой. Он внимательно следил за тем, как вооруженцы подвешивали бомбы к самолету.

Надя, чтобы отвлечь его, спросила, как-то само собой перейдя на ты:

— На каком ты летаешь?

— На «Як-1».

— Смотри, будь осторожен!..

— Я-то постараюсь, старайся и ты, — ответил он тихо.

Когда самолет Нади взлетел и лег на курс, Харламов долго смотрел ему вслед, пока он не слился со мглой, а потом, опустив голову, медленно побрел к перекрестку, где уж нетерпеливо гудел попутный грузовик.

С этой поры каждое его письмо к Наде заканчивалось одним: «Береги себя».

3

К сентябрю 1943 года войска Северокавказского фронта закончили сосредоточение и подготовились к прорыву «Голубой линии». Женский авиационный полк Бершанской к этому времени вышел из состава дивизии генерал-майора Попова и перешел в другую дивизию. Расставались с большим сожалением. Генерал Попов гордился женским гвардейским полком, прославившим дивизию, а летчицы были признательны генералу за чуткость и заботу.

В связи с предстоящими боевыми действиями была образована еще одна авиаэскадрилья. Командиром ее назначили Марину Чечневу, штурманом — Сашу Акимову.

Марине тогда едва исполнился 21 год. Но это уже была волевая, решительная летчица, очень требовательная к себе и к другим. Командир полка Бершанская нередко давала ей весьма ответственные задания, уверенная, что они будут отлично выполнены.

Марине еще не было 17 лет, когда она решила, что ее стихия — воздух. Осенью 1938 года невысокая, коротко подстриженная девушка вошла в кабинет начальника аэроклуба Ленинградского района Москвы и несколько смущенно спросила:

— К вам можно поступить... в летную школу?

— Можно, но пионеров мы не принимаем, — улыбаясь, ответил начальник.

Марина покраснела, машинально поправила свой красный пионерский галстук и обиженно выпалила:

— Что вы! Да я уже два года в комсомоле, а красный галстук ношу потому, что я старший пионервожатый в сто сорок четвертой школе Ленинградского района.

— А сколько вам лет?

— Скоро семнадцать.

— Вот видите, все равно не подходите. Мы принимаем только тех, кому уже исполнилось семнадцать лет!

Марина знала об этом и заранее подготовилась к обороне, надумала целый ряд «смягчающих вину обстоятельств».

Битый час продолжалось объяснение с начальником аэроклуба. Ее настойчивость и молодой задор подействовали: в виде исключения она была принята на курсы пилотов.

Через год Марина одной из первых сдала государственной комиссии экзамен по теории и технике пилотирования и как отличница была зачислена в инструкторскую группу.

День окончания инструкторского отделения совпал с днем окончания средней школы. Марина сразу получила два аттестата: аттестат об окончании десятилетки и аттестат пилота-инструктора.

Саша Акимов — штурман новой авиаэскадрильи в отличие от своей ровесницы Марины Чечневой до войны была далека от авиации.

Когда воинский долг потребовал от нее овладеть специальностью вооруженца, она быстро сделала это, став одним из лучших техников-вооруженцев полка. Решив затем, что принесет больше пользы на самолете, в воздушных боях, она за короткий срок стала знатоком штурманского дела.

Правда, как ни увлекалась Саша своими новыми военными профессиями, мысли ее в свободные минуты неизменно возвращались к любимой истории, изучению которой она решила посвятить жизнь еще со школьной скамьи.

Но это совсем не мешало Акимовой уверенно и точно вести самолет по курсу, на цель, обрушивать на врага мощные бомбовые удары.

Новая эскадрилья стала центром подготовки кадров в полку, здесь сосредоточили всю учебную работу с молодыми летчиками и штурманами, прибывавшими из тыла.

Как правило, новички уже обладали специальными знаниями и даже некоторым опытом, многие из них прошли серьезный курс обучения. Но ветераны полка, в том числе Чечнева и Акимова, превосходили их в боевом мастерстве, в умении вести ночные полеты. И они настойчиво тренировали молодежь, обогащали ее и знаниями и драгоценными боевыми навыками.

Самой лучшей школой для нового пополнения был пример девушек, первыми пришедших в полк и на глазах выросших в зрелых воинов, мастеров бомбометания.

4

Дуся Пасько дежурила по аэродрому. На КП к ней подошел штурман Михаил Пляц из полка Бочарова. Пляц тоже был дежурным. Разговорились. Дусе показалось, что товарищ по оружию относится к ней с некоторым высокомерием. «С чего бы это? — подумала она. — Кажется, им кичиться перед нами нечем».

— Вы давно на фронте? — спросила она.

— С самого начала войны.

— А сколько у вас вылетов?

— Много! — не без гордости ответил штурман.

— Сколько это «много»?

— Сто тридцать два! А у вас сколько?

— У меня триста.

— Не может быть!..

— Могу свою летную книжку показать.

— Я два года на фронте, а вы — один год.

— Вот то-то! Я думаю, если сравнить число боевых вылетов у наших и у ваших летчиков, то соотношение будет, по крайней мере, три к одному в нашу пользу...

Неизвестно, чем окончился бы этот спор, если бы к Дусе не подбежала Валя Пустовойтенко:

— Дуся, есть новости! Нас срочно переводят на новое место...

— Куда?

— Не знаю...

Валя Пустовойтенко принесла очень важное сообщение, хотя всей сути дела она и не знала. А дело было в том, что начиналось наше решительное наступление на Новороссийск, и в помощь наземным войскам и десанту мор-

ской пехоты направлялась ночная легкобомбардировочная авиация, в том числе восемь экипажей женского гвардейского полка.

В число этих восьми были включены экипажи: Амосовой — Розановой, Макаровой — Белик, Поповой — Рябовой, Тихомировой — Лошмановой, Смирновой — Сумароковой, Жигуленко — Голубевой, Парфеновой — Пасько и Санфировой — Гашевой.

Как завидовали им остальные экипажи! Жейя Руднева, которая должна была оставаться на месте, потому что руководила занятиями штурманской группы, готовившей новые кадры, писала в своем дневнике: «Разозлилась я неимоверно. Упрашивала, упрашивала капитана — никак...»

Валя Пустовойтенко, первой прослышавшая об отъезде, прибежала в общежитие и разбудила подруг. Ее засыпали вопросами: «Куда? Зачем?». Она ничего не могла ответить определенно, но о главном все догадывались, и девушкам стало так беспричинно весело, что проболтали, прошумели до самой зари.

На рассвете подали две грузовые машины, девушки уложили свои вещевые мешки, уселись сверху и двинулись в путь. С группой техников ехала заместитель командира полка по политчасти гвардии майор Евдокия Яковлевна Рачкевич. Командиром группы, направляемой к Новороссийску, была заместитель командира полка гвардии капитан Серафима Тарасовна Амосова.

Двигались медленно и осторожно — линия фронта проходила очень близко. Проезжали мимо кубанских станиц, носивших на себе следы недавних ожесточенных боев. Встречались хутора, от которых остались одни обгорелые печи с трубами. То и дело виднелись окопы, в окопах валялись части разбитых пулеметов и винтовок, патронные и снарядные ящики; то там, то здесь чернели воронки от авиабомб.

Только к вечеру, когда подъехали к станице, где был назначен ночлег, Рачкевич рассказала девушкам, куда они едут.

За станицей, на берегу реки, был устроен привал на ночь. Выставили караул.

С рассветом поднялись. Над рекой стоял густой туман. Ему радовались: дорога шла через перевал, который простреливался вражеской артиллерией. На большой скорости проехали это опасное место и спустились в долину. Туман рассеялся. Стало совсем светло. И тут, за крутым поворотом, девушки увидели синеву залива, а за ним — силуэт Новороссийска. Машина остановилась.

Девушки напряженно, до боли в глазах, всматривались в зыбкие очертания города. «Новороссийск. Он в руках врага. И мы будем участвовать в его освобождении...»

Подошедшие бойцы рассказали, что группа наших моряков, высадившись на берег в районе Новороссийской бухты, несмотря на все лишения и трудности, крепко держится на маленьком клочке родной земли и враг ничего не может с ними поделать.

— Какие молодцы! — воскликнула Зина Вишнева. И тут же добавила: — Вот бы помочь им с воздуха — как здорово было бы!

Водитель уже гудел, собирая свою команду, и машины снова тронулись в путь.

Наконец прибыли к месту назначения. До войны здесь находился дом отдыха моряков-черноморцев. Выгрузились у небольшой дубовой рощицы и тут по опознавательному знаку — белой вертикальной линии на руле поворота — узнали свои самолеты. Чехлы с моторов были сняты. Экипажи, видимо, только что прилетели. Обе группы — летная и техническая, — расставшиеся два дня назад, встретились радостно. Вместе пошли осматривать место новой стоянки.

В густом орешнике скрывались четыре большие землянки для летного состава морской авиационной части. Моряки потеснились, уступив две землянки девушкам-гвардейцам.

С нескрываемым любопытством, дружелюбно и вместе с тем несколько настороженно приглядывались brave морские летчики к новым своим товарищам по оружию.

Конечно, они не раз уже слышали о женском авиационном полку, добрая слава о нем ходила по всему фронту. Но одно дело — слышать, а другое — своими глазами видеть молодых, пригожих девушек в аккуратных гимнастерках с гвардейскими значками, с орденами и, главное, в авиационных шлемах, лихо сдвинутых на затылок.

За обеденным столом моряки засыпали девушек вопросами о том, как они воюют, как живут и словно между прочим: «Неужели все службы выполняют только женщины?» «Правда ли, что в вашем полку нет ни одного мужчины?» Пытались припугнуть: «К Новороссийску и подступиться нельзя! Кругом все простреливается фашистской артиллерией».

— А вы подступались же?

— Так то мы... А вам куда, на ваших «этажерках»? Тут ворона пролетит, так и ее подстрелят.

Летчицы улыбались.

— А мы не вороны, нас так легко не подстрелят.

За столом не стали долго засиживаться — надо было готовить машины к первому вылету.

Техники и вооруженцы дружно принялись за работу. Волновались, однако, заметно. На своих прежних аэродромах они работали одни, без посторонних наблюдателей. Здесь же за ними все время внимательно следили десятки глаз. Моряки то и дело подходили к машинам, заглядывали под крылья, в моторы, пытались услужить, помочь. Но девушки-гвардейцы отклоняли помощь — они в ней не нуждались.

Летчики и штурманы тем временем занялись изучением района предстоящих действий, чертили на картах маршруты. Потом вместе с техниками пошли знакомиться с состоянием самолетов.

Под Новороссийском. Заместитель командира полка Амосова ставит задачу перед боевым вылетом

Вечером, когда стемнело, из своих землянок группами стали выходить морские летчики. Они были в белых, тщательно выутюженных костюмах, подтянутые, аккуратные. Был с ними гитарист — старший лейтенант, веселый, бойкий малый. Подошли к летчицам. Уставшие после трудового дня девушки сидели группами, перешептывались, посмеивались, искоса бросая любопытные взгляды в сторону моряков.

— Ну как, наработались? Теперь и отдохнуть не грех. Нравится вам у нас?

И пошли разговоры, шутки, песни. А на следующий день началась боевая работа.

С утра, взглянув на небо, затянутое облаками, девушки говорили:

— Все пропало.

Серафима Амосова собрала весь летный состав и ознакомила с предстоящей боевой задачей.

— Не забудьте, товарищи, — сказала она, — что мы здесь представляем весь полк. Не ударим лицом в грязь! Работайте дружно, быстро. Покажем, как умеют работать девушки-гвардейцы.

Амосова объявила «максимум» полетов и сделала заявку на такое количество бомб, что привела в замешательство интендантов-моряков.

— Сколько же вылетов вы собираетесь сделать за ночь?

— В среднем по шести—семи на один экипаж.

— Этак вы нас совсем разорите, — улыбнулся интендант.

К первому вылету на аэродроме собралось много народу. Здесь были все экипажи морской авиации, свободные от полетов, присутствовали старшие начальники.

Первым взлетел экипаж Амосовой — Розановой, затем Поповой — Рябовой, Смирновой — Сумароковой, за ними остальные.

Потом в воздух пошли экипажи полка «По-2», возглавляемого Бочаровым. Не успел подняться последний самолет с мужчинами-авиаторами, как на аэродром стали возвращаться отбомбившиеся женские экипажи. Лишь они садились, вооруженцы с невиданной быстротой снаряжали самолеты новым грузом бомб. Интервалы между вылетами занимали не более двух минут.

Моряки дивились такой работе: подобной ловкости, слаженности они от гостей не ожидали.

Девушки мастерски действовали и на земле и в воздухе.

Полеты над Новороссийском и его окрестностями требовали большого искусства, отваги и выдержки.

Маршрут проходил с одной стороны над морем, с другой — над горами и ущельями. Воздушные течения часто менялись. Приходилось все время менять высоту полета. Единственное, что утешало летчиков и штурманов, — хорошие ориентиры: море и Новороссийск.

Шесть ночей подряд летали девушки в этом районе, сбросив на зенитные точки врага, на береговые его укрепления десятки тысяч килограммов бомб. Экипажи делали по семи—восемью вылетов в ночь.

Трудно сказать, какой из экипажей работал лучше, — все восемь действовали безупречно. Моряки узнавали самолеты девушек в полете и называли их «нашими».

— Вот наша «четверка» возвращается! — кричали они. — Это наша Маша! — Так прозвали самолет Маши Смирновой, имевшей хвостовой номер «4».

Особенно памятной была ночь на 15 сентября — накануне взятия Новороссийска. В эту ночь наша артиллерия перенесла огонь в глубину расположения врага, а авиация довершала ее работу ударом сверху.

Фашисты доживали последние часы в городе, но их зенитки продолжали бесноваться: враг пытался уберечь от потерь остатки своих войск, вынужденных отступать. Девушки прорывались сквозь огненную завесу.

Все восемь женских экипажей сделали по восьми—десяти вылетов каждый. Ко второй половине ночи весь заготовленный запас бомб был израсхо-

дован. Тогда вооруженцы перетащили к себе лежавшие недалеко трофейные немецкие бомбы.

Новороссийск был взят 16 сентября.

Советские войска смяли и разорвали «Голубую линию». Оставалось завершить операцию — очистить от противника весь Таманский полуостров.

5

Пока восемь экипажей действовали под Новороссийском, основные силы полка Бершанской продолжали наносить удары по врагу на Таманском полуострове. Линия фронта передвинулась к западу, и полк перебазировался в станицу Маевскую. Сюда и возвратились экипажи из района Новороссийска.

Станица Маевская была почти безлюдна. Во время оккупации жители ушли в плавни, участвовали в партизанской борьбе. Сейчас они постепенно возвращались.

Стояли знойные дни и прохладные ночи. Напряжение борьбы не спадало. Противник, отступая, цеплялся за каждый кусок захваченной территории, оказывал упорное сопротивление.

Действия полка не прекращались ни на одну ночь. Теперь задача состояла в преследовании неприятеля, в уничтожении его живой силы и техники на дорогах отступления. Экипажи долетали до азовского побережья. Хотя уже было заметно, что противник эвакуирует свою тяжелую артиллерию и склады с горючим и боеприпасами, он еще продолжал ожесточенно сопротивляться.

То там, то здесь самолеты попадали в сети прожекторных лучей, в зону яростного зенитного огня. Нередко машины возвращались на аэродром со множеством пробоин. Но никто из девушек не пострадал, а удары их по врагу все нарастали в своей силе.

Вера Тихомирова коротко заносила в свой дневник:

«Вчера ночью бомбила скопление войск противника. Улетая, видела два очага пожара...»

«Третий вылет нынешней ночи был особенно удачен. Бомбила скопления отступающих войск гитлеровцев. Наблюдала два сильных взрыва — очевидно, бомбы попали в колонну автомашин, везших боеприпасы...».

«Мне везет на фашистские боеприпасы: сегодня опять вызвала два сильных взрыва. На этот раз, видимо, взорвались склады, которые гитлеровцы еще не успели разгрузить. Избавила их от этой заботы!..».

Не раз вспоминались девушкам горькие дни оборонительных боев, отступления. Как изменилось все с тех пор! Враг дорогой ценой расплачивается за свои злодеяния. Преследуя отступающие фашистские войска, маленькие «По-2» не давали им покоя, настигая и в траншеях и на дорогах.

Фашисты всегда ездили с затемненными фарами — с воздуха их очень

*Герой Советского Союза
штурман полка Лариса Розанова.
Совершила 816 боевых вылетов*

трудно было заметить. Только иногда блеснет тоненькая полоска неяркого света и погаснет. Но этого было достаточно: самолет снижался до двухсот метров и сбрасывал бомбы, гранаты. А если по дороге двигалась колонна автомашин или танков, то это была лучшая находка для экипажа, — в такие минуты девушки особенно жалели, что грузоподъемность «По-2» невелика, бомб маловато.

Появились и другие цели для бомбометания, неведомые прежде.

Лариса Розанова к тому времени стала уже опытным штурманом, выдавшим виды, «старым воздушным волком», как говорили девушки, вспоминая читанные в юности книги о закаленных, мужественных «морских волках». Подобно всем своим подругам по фронту, она давно забыла то волнение, с которым шла в первые боевые полеты, волнение, запрятанное вглубь души, но нет-нет прорывавшееся наружу в звенящем голосе, в торопливом жесте.

Это давно схлынувшее чувство по-новому вдруг ожило в Ларе, когда ее экипаж получил задание нанести удар по аэродрому неприятеля.

Она не тревожилась за успех полета — нет, опасность не страшила ее. Узнав, что предстоит нанести удар по авиации врага, Лариса очень обрадовалась. С фашистскими истребителями, гонявшимися за «По-2», у нее были давние счеты, и потому, гордясь своим заданием, она особенно сильно ощущала его ответственность.

Техники даже обиделись за придирчивость, с какой она осматривала в этот раз самолет перед вылетом. Все было, как всегда, в полном порядке.

И вот темной ночью Розанова с молодой летчицей, недавно прибывшей в полк, полетела в район, где находился аэродром фашистских истребителей. Когда по расчету времени долетели к цели, ничто внизу не выдавало аэродрома. Враг притаился, тщательно замаскировавшись.

Розанова сбросила осветительную бомбу. Ее синеватый, резкий свет, точно молния озаривший все окрест, выхватил из тьмы контуры вражеских

самолетов, стоявших на земле. Они были укрыты маскировочными сетями, ветками зелени.

— Сnižайся! — бросила Лариса летчику.

Самолет пошел книзу, до 500 метров, и тотчас, с той молниеносной быстротой действий, которая опережает ход мысли, она сбросила бомбы на аэродром, прямо туда, где стояли фашистские истребители.

На земле взметнулось пламя.

В этот момент заработали прожекторы, начали беспорядочно стрелять зенитки. Но легкокрылая небольшая машина уже скрылась.

Удар за ударом наносил полк по сильному опорному пункту неприятеля в станице Крымской. Однажды ночью первой авиаэскадрилье было приказано атаковать с воздуха северную часть этого узла обороны гитлеровцев.

Магуба Сыртланова полетела туда с Полиной Гельман. Как всегда, их встретил зенитный огонь. При свете осветительной бомбы они увидели длинные строения. Догадались, что это склады. Зашли под углом, прицелились. Удар!

Из строений вырвалось пламя, характерное для горючего. Пожар длился всю ночь.

Сильное сопротивление оказывали гитлеровцы в районе Курчанской. Сюда девушки вылетали в туманную погоду и, громя врага, оказали большую помощь нашей пехоте, наступающей на этот пункт.

Как только спускалась ночь, советские солдаты слышали над собой знакомый шум моторов, а затем до них доносился глухой гул взрывов в стане противника. Бойцы наземных частей знали, что это действует наша ночная легкобомбардировочная авиация и в том числе женский гвардейский полк.

В адрес полка приходили десятки благодарственных писем из пехотных, артиллерийских и других частей. Солдаты и офицеры от души благодарили девушек за боевую помощь, восторгались их мужеством и воинским мастерством.

Однажды пришло письмо, сложенное треугольником. Неизвестный автор-пехотинец в стихотворной форме обращался к летчицам:

Среди вас находится где-то —
Помогите ее отыскать —
В форму летную скромно одета
Одна девушка. Как ее звать?..

Далее автор просил летчицу:

Расскажи, как на дикие орды
Ты обрушила град бомбовой.
Как потом получила ты орден —
Знак отваги своей боевой.

Он предсказывал девушке-гвардейцу славный боевой путь:

Будешь в небе, как птица, парить,
Ни сомнения, ни страха не зная.
О тебе будем мы говорить:
«Это девушка наша родная».
Песню новую я пропою...
Про твою боевую работу.
Только ты и в горячем бою
Не забудь про соседку-пехоту.

«Не забудем!» — отвечали девушки и подтверждали свои слова ударами по врагу, помогая пехоте.

В станице Маевской полк отметил своеобразный «юбилей» — первые 500 боевых вылетов командира авиаэскадрильи Марии Смирновой.

Пятьсот боевых вылетов! Это означало, что Смирнова сбросила на врага не менее ста тысяч килограммов смертоносного груза. А так как ее вылеты почти всегда были эффективны, то нетрудно представить себе, какой громадный урон она причинила врагу.

По поводу «юбилея» Смирновой был выпущен специальный «боевой листок». Отважная летчица получила много поздравлений от своих друзей.

Партийное бюро полка заслушало ее информацию в связи с пятисотым вылетом и приняло следующее решение:

«1. Партбюро отмечает отличную боевую работу т. Смирновой и считает, что и в дальнейшем т. Смирнова будет так же честно, мужественно и самоотверженно выполнять боевые задания.

2. Поручить члену ВКП(б) т. Смирновой провести беседу с молодыми летчиками с целью передачи боевого опыта.

3. Послать письма Калининскому горкому ВЛКСМ и матери т. Смирновой о ее отличной боевой работе».

А вскоре такие «юбилеи» посыпались один за другим, «пятисотницами» стали Ира Себрова, Женя Руднева, Серафима Амосова и многие другие ветераны полка.

6

С линии фронта доносился тяжелый, перекатывающийся гул артиллерийской канонады. Это наша артиллерия расчищала дорогу наступающим войскам. Борьба за изгнание фашистов с Таманского полуострова вступила в свой решающий этап.

И девушки, чувствуя это, сражались, не зная усталости. Их боевая работа достигла наивысшего напряжения. В одну из сентябрьских ночей с аэродрома в Маевской было сделано 98 боевых вылетов — самое большое число вылетов за ночь в полку с начала его боевых действий.

Летчицам приходилось нелегко.

Случались и непредвиденные происшествия. Частые налеты авиации противника не позволяли включать стартовые огни, и экипажи поднимались и садились под мигание ручных фонариков. Однажды на аэродроме в момент запуска мотора загорелся самолет, под плоскостями которого были подвешены бомбы. В кабине лежало несколько ракет. Они мгновенно вспыхнули. Штурман Ольга Голубева едва успела выскочить. Пламенем были опалены ее ресницы, брови и волосы, выбившиеся из-под шлема.

Огонь, охвативший самолет, грозил другим машинам, стоявшим вблизи, также подготовленным к старту. Невзирая на опасность, девушки смело бросились к самолетам и растащили их по всему полю. Только ценой огромного физического напряжения самолеты были спасены.

В начале октября полк перелетал на новое место базирования — в станцию Курчанскую. Еще недавно здесь проходила главная линия обороны противника. Все подходы к станции были заминированы. Гитлеровцы заминировали тропинки, дома, даже деревья, а здание станичной школы взорвали. Мины замедленного действия были обнаружены в разных местах. Для аэродрома, вернее, площадки для самолетов пришлось наспех разминировать часть огорода, и только на этом маленьком клочке земли нашими минерами было обезврежено свыше трех тысяч мин!

Погода в то время не благоприятствовала летчицам: сильные ветры поднимали тучи пыли, песок проникал в нос, рот, скрипел на зубах.

В станции Курчанской едва удалось найти уцелевшую хатенку. В ней оборудовали столовую. Для жилья не оказалось ни одного подходящего помещения. Девушки устроились под плоскостями самолетов. Некоторые ухитрились соорудить здесь нечто вроде комнат, стенами которых служили чехлы от моторов. Ирина Себрова и Наташа Меклин в такую «спальню» провели даже электрическое освещение, использовав для этого переносную лампочку и аккумулятор своего самолета. Самолеты привязали к деревянным кольям. При сильных порывах ветра такое крепление было ненадежно, и стоило немалых усилий удерживать машины, чтобы их не оторвало от стопоров.

*Герой Советского Союза
командир эскадрильи Мария Смирнова.
Совершила 950 боевых вылетов*

Наступление наших войск развивалось успешно. Прорвав оборону неприятеля, советские воины быстро продвигались вперед. Над Таманью, красивым и привольным советским краем, вновь засияло солнце свободы.

И вскоре, поздним вечером, московское радио передало:

«Войска Северокавказского фронта ударами с суши и высадкой десанта с моря в результате многодневных упорных боев завершили разгром Таманской группировки противника и сегодня, 9 октября, полностью очистили от немецких захватчиков Таманский полуостров...

В ознаменование одержанной победы соединениям и частям, отличившимся в боях за освобождение Таманского полуострова, присвоить наименование «Таманских», «Темрюкских», «Анапских» и «Кубанских».

Среди соединений и частей, перечисленных в приказе, значился и гвардейский ночной легкобомбардировочный полк под командованием гвардии майора Бершанской.

Отныне он стал называться «Гвардейский Таманский».

Полк получил приветственные телеграммы от командования. Многих девушек, отличившихся в боях за Тамань, наградили орденами и медалями.

Долго гремело «ура». Все поздравляли друг друга. А тут над аэродромом появились самолеты соседнего полка майора Бочарова. Летчики с бреющего полета сбросили девушкам-таманцам цветы.

После митинга, где звучали горячие речи, полные воли к новой борьбе и новым победам, все дружной, веселой семьей уселись за столы. Но ветер не хотел считаться с праздником — и обед, и виноград, и вино были засыпаны песком.

В конце концов ветер так разбушевался, что все бросились из-за стола на аэродром, к самолетам.

— Он не зря расшумелся, — шутили потом девушки. — Ветер — бдительный товарищ! Он просто хотел предостеречь нас от самоуспокоенности.

Да, борьба еще продолжалась. Впереди ждали новые испытания.

